

АЛТАН-ТОБЧИ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЦАРЕЙ

ПРИЛОЖЕНИЕ.

История Убаши-хунтайджия и его войны с Ойратами.

В дополнение к *Алтан-Тобчи* сообщаем любопытный эпизод из монгольской истории исхода XVI века, сохранившийся в довольно подробном рассказе лишь на калмыцком языке.

Перевод с калмыцкого.

Убаши-Хун-Тайджи монгольский, и урианхайский *Маджик*, подобный черному горному тигру, отправясь оба с 80,000 войском из урочища Хангай-Хара-Булак¹ воевать против независимых Четырех Ойратов, и переправившись через гору Налха-Ухэр², прибыли с войсками на место Нал-Хара-Бурок³. Отсюда отправили они четырех лазутчиков, каждого врозь, к Четырем Ойратам, разведать их кочевья; но те ничего не разузнали. Почему монгольский *Убаши-Хун-Тайджи* составил совещание из высших, средних и низших сословий, на котором урианхайскому *Маджику* и многим другим сановникам сказал: «Слушайте, мои молодцы! Четыре Ойрата такого нрава: они, подобно неутомимым лошадям, бегающим на далекое расстояние без усталости, и бдительным собакам, лишь только завидят прибывшего на их двор неприятеля, не плошают и не упустят его из своих рук. Мое намерение (такое): воротимся лучше назад; пускай смеются над нами Четыре Ойрата. Как вы, мои молодцы, об этом думаете? Если [214] вы согласны, то воротимся; если нет, так пойдем на Ойратов». Урианхайский *Маджик*, подобный черному горному тигру, выдвинулся вперед и доложил: «Хотя слова вашего ноянства и справедливы; но все, ближние, дальние, родные и неродные слышали, что мы с тобой — монгольский *Убаши-Хун-Тайджи* и урианхайский *Маджик* — с своими войсками выступали из урочища Хангай-Хара Булак видеться с Четырьмя Ойратами (сразиться); а между тем, увидавши только лишь их пастбища, обратимся отсюда в бегство: этой дурной славой вашей завсегда будут упрекаемы наши потомки». Монгольские высшие, средние и низшие сословия одобрили эти слова. *Убаши-Хун-Тайджи* сказал: «Куда вы поедете? Где найдете кочевья их (Ойратов)? Может быть, они кочуют на севере, может быть, на юге (их кочевья неопределенны)». Урианхайский *Маджик* отвечал: «Слова вашего ноянства справедливы. Действительно, кочевья Четырех Ойратов велики; но все-таки они кочуют постоянно на одной стороне. Мы разошлем тщательно разыскивать их; назначим для этого восемь суток сроку; я же покажу местность, где их должно искать. Из 80,000 человек выберем 200 молодцев, которые бы все знали (местность), и из 160,000 лошадей выберем (для них) 400 мерингов; пускай

они, по указанным мною местам, ищут: найдут ли, не найдут ли их, но, по истечения осьми суток, пусть воротятся».

С одобрения всех, урианхайский *Маджик*, подобный черному горному тигру, отправился в сопровождении 200 лазутчиков, взобрался на гребень горы, находящейся невдалеке от их войска, и указывая отсюда своим 200 лазутчикам на кочевья Ойратов, сказал: «Ступайте в эту сторону; впереди вас окажется река Иртыш; идите по ее течению; когда дойдете до места между черным лесом [215] (дремучий лес), растущим по нагорной стороне, и желтым камышом, растущим на низменной, этот промежуток есть брод, называемый Мани ⁴; переправтесь через него и ищите там их (Ойратов) по течению и против течения. Если не найдете там ничего, то идите еще повыше, потом ударьтесь в противоположную сторону (от реки), на другой день вечером пейте воду (напойте лошадей, сами отдохните). Здесь начнется черная гора Эмнэлин-Адак-Шара-Хулсун с быстрыми ключами; ищите здесь; если здесь ничего не найдете, то ищите по истокам двух рек Бачи и Гинджили, которые исчезают вблизи этой горы. Если и в этих трех местах ничего не найдете, то воротитесь назад. Если в состоянии захватить язык, то привезите его (в случае, если найдете кого, то привезите его с собой), а если не можете этого сделать, то осмотрите (местность). Найдете ли, не найдете ли, а в продолжение осьми суток должны поспешно воротиться и уведомить нас. Ну, так вы, молодцы, возвращайтесь здоровыми и с успехом; и же отправлюсь к своим войскам». И отправился.

Монгольские лазутчики, по словам Маджика, переправились через брод Мани и начали там разыскивать по течению и против течения, и ничего не нашли; потом начали разыскивать на Эмнэлин-Адак-Шара-Хулсун, и здесь не нашли кочевья Ойратов; потом обратились к истокам Бачи и Гинджили: встречают тут семилетнего мальчика с шелковым поясом, в плисовых чулках, на трехлетней [216] гнедой лошади. Они погнались за ним утром, и вечером поймали его. 200 лазутчиков посадили этого мальчика среди себя и начали спрашивать: «Чей ты мальчик? скажи, что здесь делал?» Мальчик отвечал: «Я подданный байбагутского хана, искал девять белых верблюдов». — «У Четырех Ойратов есть ли войска?» спросили потом лазутчика, «и где они сами кочуют?» — «Вас наверно послали поймать, а не допрашивать; знайте, что старшему дается ответ, платье же надевается чрез воротник ⁵: представте меня живого кому следует, я своими устами доложу». Вот слова мальчика, а он больше не стал говорить. Ни мягкими словами, ни криками, ни ласками, ни угрозами не могли ничего от него выведать, и наконец, сказавши сами себе: «Действительно, нас послали поймать, а не допрашивать, так этого мальчика живого представим», они отправились назад. Дорогой отправили они двух передовых, которые, прибыв с известием о Четырех Ойратах, начали было рассказывать монгольскому Убаши и всем трем высшим, средним и низшим сословиям, что они поймали семилетнего мальчика; между тем и остальные с мальчиком явились.

Узнав, что этот мальчик упрямый, обнажили меч, положили его на сандальный о восьми ножках стол; потом привели семилетнего мальчика к Убаши-Хун-

Тайджию в его юрту с восемью решетками, обтянутую черно-пестрыми тигровыми шкурами, поставили его с скрученными назад руками на колени; на правое колено его сел урианхайский Маджик, подобный черному горному тигру, на левое же сел Бакан-Цэцэн. Убаши-Хун-Тайджи начал этого мальчика допрашивать: «Ну, упрямец, скажи: у Четырех Ойратов есть ли войска, или нет? что они делают?» Мальчик [217] отвечал: «Допрашивайте, ваше ноянство, без угроз, я безошибочно доложу; спрашивайте не сердясь, обо всем расскажу. Четыре Ойрата, подобно клыкам лютых зверей и ежевым иглам, живут сомкнутыми в четырехугольник (карре). Нельзя докладывать вам о том, чего не знаешь, и нельзя скрывать того, что знаешь». — Убаши-Хун-Тайджи, хотя был таким ответом приведен в тупик, но все-таки продолжал допрашивать: «Кто из Ойратов», говорил он, «на этой стороне живет? Скажи мне о войске и кочевье их?» — На это мальчик отвечал: «На этой стороне, ближе всех к вам, живет Саин-Сурдэнгэ, сын Мангада, у которого шлем из чистого серебра, красный панцирь с бляхами, *улбо*⁶ из красного одноцветного шелка, лошадь совершенно чубарая; его сопровождают 2,000 молодцев с 2,000 копьями и с 2,000 выдержанными лошадьми. Он, скрежеща зубами и проглатывая свои слюны, постоянно спрашивает: "нет ли неприятеля, с которым бы подраться (он с жаждою ищет неприятеля, чтоб померяться силой)? нет ли зверей, за которыми бы поохотиться?" Как вашему ноянству это нравится?» — «Ну, упрямец, это ничего; а от него дальше кто живет?» — «На истоке реки Иртыша живет Сайн-ха, сын хойтского Эсилба, собравший свои кочевья, называемые Ирчин и Харчин, среди которых он виднеется подобно печенке пестрой коровы⁷ и которого сопровождают 4,000 [218] молодцев с 4,000 копьями и 4,000 выдержанными лошадьми. Этот Сайн-ха, скрежеща зубами и проглатывая свои слюны, спрашивает: «нет ли неприятелей, с которыми бы подрался на смерть? нет ли молодцев, с которыми бы попробовав силу своего красноречия?» Как вашему ноянству это нравится?» — Ну мальчишка, это ничего; а еще дальше, скажи, кто живет? — «Дальше живет 6,000 Джунгарцев, называемых Хутагайту-Хара-Халу, которые подобны куце-серому волку, нападавшему утром на многочисленную стада овец; глаза их подобны глазам голодного орла. Это как нравится вашему ноянству?» — Это ничего, а еще дальше кто живет? — «На устье⁸ реки Уто живет доблестный ойратский богатырь *Тэбэнэ*, имеющий 8,000 войска с 8,000 поджарых соловых лошадей, кочующих при реке Нарин. Ну как вашему ноянству это понравится?» — «Ничего, а еще кто дальше?» — «Хошоутский Байбагус-хан, старший брат из пяти братьев Айхан-Табун-Бара, любящий умерщвлять и грабить, имеющий голос десяти тигров, живет в юрте о 15 решётках, обтянутых пестрыми тигровыми шкурами, и среди ее рассуждает о вере и правлении Ойратов. Говорят, что он живет разинув рот и растопыбив пальцы (беспечно, самонадеянно), и думает, что ему во всех странах нет подобных. Сам я сын простого человека (низкого происхождения); мне семь лет; я еще не объехал всех Четырех Ойратов; сыновья Ойратов находятся везде: вот все мое знание!»

После этого Убаши-Хун-Тайджи велел вывести мальчика и принести его в жертву Туку (значок или знамя)⁹. Двое хотели уже его вывести; но мальчик объявил, что [219] намерен еще доложить нояну. Снова посадили его. — «Ну,

упрямец», сказал ноян, «продолжай свои слова». — Мальчик начал: «Говорят, после войны, происходившей на месте Эмнэлин-Адак-Шара-Хулсун, монгольский *Саин-Лайхар*-хан и нояны Четырех Ойратов, при заключении мира, поклялись: «если будем умерщвлять людей, служивших шпионством (тому или другому), то наши языки отсекутся (то все до одного умрем). Зачем же вы хотите умертвить меня, забыв клятву, уже произнесенную и забыв слова, торжественно сказанные (вами)? Мне только сем лет; я сын простого человека; ваше ноянство, даруйте мне жизнь!» Но Убаши-Хун-Тайджи не удостоил его ответом, и двое хотели было его снова вывести; но мальчик сказал, что он еще доложит об Ойратах. — «Ну, скажи», сказал ноян. Мальчик стал говорить: «Сказывают, что хошеутский Байбагас-хан, старший брат из пяти братьев Ахайн-Табун-Бара, любящий умерщвлять и грабить, имеющий голос десяти тигров, — сказывают, что он ударил своим булатным мечем, взятым когда-то у Бимбада, о свой черный треножник, сделанный из закаленной стали, так сильно, что посыпались искры, и сказал, что положит на подушку стегно Убаши-Хун-Тайджия (убьет его), и прольет его черную кровь, переломит на большой дороге черное знамя его, соединится с его любимую женою, Дара, поцелует ее ланиты, алые как кровь, обнимет прекрасное белое тело ее, коснется прекрасною и счастливою своей бороною к ее румяным щекам, и овладеет всеми богатствами и счастьем его. Понимаете ли значение этих слов?» — Затем мальчика вывели и стали приносить его в жертву Туку. При этом из среды Монголов не выискалось ни одного, который бы в состоянии был прочесть молитву, почему мальчик сказал: «Так как я предмет жертвы Туку, так позвольте мне [220] прочесть молитву». — «Ну, читай», отвечали те, «да хорошенько же». — Мальчик начал: «Я начну читать, а вы слушайте. О, милостивый Тэнгри, бог войны, кушай и пей! Да прольется черная кровь Убаши-Хун-Тайджия! стегно его да положится на подушку! черное знамя его да искрошится на большой дороге на мелкие куски! да возьмет его любимую жену Дара, Байбагас, владетель всех (Ойратов)! длинное черное знамя его да переломится в ногах Ойратов (во время сражения)! лошадь его саврасую из саврасых да подденет копьем за опущенный красный шелковый повод какой-нибудь ойратский молодец и остановит ее! на месте Бачи да будет он поражен смертельно! на месте Худуду да будет разбит на голову! на месте Эмэлин-Олон-Долодой да сокрушатся печень и почки его! на месте Хада да претерпит поражение, сопровождаемое кровом! на реке Болохто да рассыплется от поражения! да возьмут ойратские молодцы богатство и счастье его! как дойдет до места Ула, да станет он в тупик!» И с этими словами мальчик испустил дух.

Между монгольскими войсками произошло волнение. Они говорили между собой: «Сбудутся или не сбудутся слова этого рассказчика-мальчика, все-таки это дурное для нас предзнаменование; однакож попробуем: хорошо ли или дурно будет, все-таки отправимся в поход, вместе того, чтоб обратиться в бегство и тем положить пятно на имя нашего нояна Убаши-Хун-Тайджи». И выступили.

Переправившись через Иртыш, 80-тысячное войско прибыло к истокам Бачи и Гинджели чрез Эмэлин-Адак-Шара-Холосо, и здесь остановилось. Отсюда на

двое суток был отправлен к Ойратам на рекогносцировку опытный Баахан-Болбасун, находившийся от 13-ти летнего до 37-летнего возраста постоянно на войнах. [221]

Между тем Убаши-Хун-Тайджи зарезал своего совершенно белого верблюда, который возил его кибитку, пригласил своих молодцев и, при раздаче кушанья (приготовленного из мяса этого верблюда), так восхвалил их: «Ну, молодцы мои, подобные рогам козлов, входящих в воду! вы, мои молодцы, подобные ушам моего мерина, мчащегося с быстротою к неприятелю! Слушайте: вы знаете проклятие нас мальчиком, имеющим черный след, знаете упорство Четырех чужих Ойратов; вы не будете беречь своего черного пота (а на вас надеюсь)». — «Мы все», проговорили молодцы, «всегда готовы пролить кровь и всегда готовы лечь костями; мы не будем скрывать веред воином своего усердия». После этих слов они с шумом вышла.

Между тем Баахан-Болбасун воротился от Четырех Ойратов с таким известием: «Четыре Ойрата живут, подобно клыкам лютых зверей и ежевым иглам, сомкнутыми в четырехугольник; не знаю, ведают ли они о нашем приближении и предпринимают ли какие предосторожности против него; я вообще не знаю, в какой мере бдительности они живут».

Убаши-Хун-Тайджи сказал: «40,000 отправит вперед, чтоб они напали на Ойратов, а 40,000 оставить в запасе. Если так выдвинуться, как об этом ты думаешь?» Баахан-Болбасун отвечал: «Сразимся с четырьмя Ойратами; если убежим от них утром (пока еще возможно), так останутся наши языки (останемся в живых), если же вечером от них убежим, так отсекутся наши языки (все до одного будем убиты)». Убаши-Хун-Тайджи за это на него рассердился. «Каковы бы», он сказал, «ни были твои слова, — справедливы ли или несправедливы, — но их резкость и жесткость кольнули сердце моих молодцев» (привели в уныние). И он приказал его казнить также, как и мальчика; [222] но Баахан-Болбасун быстротою своего гнедого мерина спасся.

Убаши-Хун-Тайджи и уриянхайский *Маджик*, чтоб поддержать свою честь, решились выступить и решили отправить передовое войско. Над этим войском Убаши-Хун-Тайджи назначил начальником уриянхайского Саин-Маджика; но последний с негодованием сказал: «С того времени, как только вышли мы из дому, ты много сделал несправедливого: первая твои несправедливость та, что ты убил человека, который был у тебя шпионом; вторая та, что расщепал ноги у осьминожного сандального стола; третья: ты зарезал своего белого верблюда, возившего твою ставку, и мясо его ты дал есть своим слугам; четвертая: ты меня отправляешь с передовым войском, чтобы одному тебе воспользоваться отнятым скотом, а ведь говорится, что жадность при разделе добычи между своими товарищами есть тоже, что беречь кровь черной собаки¹⁰. Вот твои несправедливости; я в них не ответчик; я отправлюсь домой». И тотчас же с своими 15,000 молодцами он отправился во свояси; а Хун-Тайджи двинулся к Ойратам.

Урианхайский *Маджик* отправил 2,000 молодцев, с четырьмя лошадьми у каждого, к Баахан-Балбосуу с поручением ему, «чтоб он напал на Джунгарцев ¹¹ чрез место Боро, а обратился назад чрез место Хэлтэгэ; чтоб дал знать Четырем Ойратам о моем кочевье, которое на Хангайском Хара-Булаке, что мы пришли было видеться (сразиться) с Четырьмя Ойратами, но теперь я с 40,000 молодцев отправился во свояси, что Убаши-Хун-Тайджи отправился к Ойратами с изнуренными табунами ¹². Пусть они [223] как знают, так и поступают с ним». — По приказанию *Маджика*, эти 2,000 молодцев напали на длинноногих ¹³ и дали знать Джунгарцах (об Убаши-Хун-Тайджи).

В это время передовое войско Убаши-Хун-Тайджия остановилось с добычею из быков в овец. Войска Четырёх Ойратов собралась, окружили Убаши-Хун-Тайджия со всех сторон, и на третьи сутки сразились. Когда войскам монгольским было плохо, любимцы Убаши-Хун-Тайджи взяли его черное знамя и его самого, и хотели было спастись; но один из среды многочисленного ойратского войска, Саин-Сэрдэнгэ выступил, и в то самое время, как хотел Убаши-Хун-Тайджия поразить копьем, сказал: «Ну, ваше ноянство, я нашивал ваши платья, пропитанные мускусом, питался солеными кушаньями вашими, теперь же для чести Четырёх чужестранных Ойратов я подношу копьё вашей правой почке; простите меня». И с этими словами он поразил его. Убаши-Хун-Тайджи, истекая от этой раны, сказал: «Пустите мою саврасую лошадь, пусть она принесет моему отечеству известие. Наверно вы, мои молодцы, не воротитесь назад; берегите свою честь, которую запятнаете, если обратитесь в бегство, лягте костями друг подле друга». Лишь только произнес он эти слова, как пал с своей саврасой лошади через правый ее бок, и испустил дух.

Любимцы Убаши-Хун-Тайджия отрезали свои правый стремяна ¹⁴ среди четырёх-ойратского войска, пустились над прахом своего господина биться с ними насмерть и все до [224] одного легли. Вот каким образом Ойраты победили Монголов.

Семилетний ойратский мальчик был не иной кто, как гений-покровитель Четырёх Ойратов и каратель Монголов в виде мальчика.

Это было в год свиньи, стихии огня ¹⁵.

Комментарии

1. Значит: «Черный ключ Хангайский».
2. *Налха-ухэрин-даба*, «гора молодого быка или теленка».
3. *Нал-хара-бурок*, «черный вязкий ил».
4. *Мани*, название молитвы (в роде: «Господи, помилуй!»). Она состоит из шести санскритских букв. Калмыки-буддисты пишут ее на разных лоскутках, привязывают их к деревьям на тех местах, где есть переправа чрез реку, или на большой дороге, с целью отвратить несчастье от проезжающих. Местность, где

эти лоскутки находятся, получает иногда название этой молитвы. Вероятно потому же так назывался и брод, о котором здесь говорится.

5. Поговорка; значит почти то же что: «знай сверчок свой шесток».

6. *Улбо*, особенного рода панцирь, шелковый камзол, подбитый хлопчатой бумагой вместе с конским волосом; чрезвычайно легкий и теплый и между тем хорошо защищающий от стрел и копий.

7. Это сравнение чрезвычайно странное, а между тем имеет свое значение. У Калмыков «пестрою коровою» называют ту, у которой главная шерсть черная, белая же находится на самой середине по обоим бокам. Очевидно, что такая корова в стаде заметнее других. Слово же «печенка» не должно принимать за самую печень, а за пестроту, находящуюся по бокам. Сравнение Сайн-ха с «печенкою пестрой коровы» значит, что Сайн-ха среди своих молодцов виден так же, как пестрая корова в стаде.

8. На том месте, где соединяется несколько рек.

9. Турецкое *туз* *** «бунчук».

10. Это то же, что «собака на сене: сама не ест и другим не дает».

11. Угнал бы стада их (Джунгарцев).

12. В другой рукописи: «с войсками».

13. Т. е. верблюды. Угонять стада даже у тех, которые хотя б и были в союзе, по обычаю древних Монголов и Калмыков, не считалось важным преступлением (См. в *Алтан-Тобчи*). Поэтому-то Маджик не был в союзе с Джунгарцами; если ж и велел им сообщить об Убаши-Хун-Тайджи, то лишь по неудовольствию к последнему.

14. «Отрезать стремя» значит биться на смерть.

15. 1587 года? Странно, что столь замечательное историческое событие, как описанное в этом эпизоде истребление Монголов Ойратами, не упомянуто ни в каких других сочинениях. Исследователям останется труд приурочить это событие и согласить упоминаемые здесь личные имена с именами уже известными по истории

(пер. Г. Гомбоева)

Текст воспроизведен по изданию: **Алтан тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе с приложением калмыцкого текста истории Убаши-Хунтайджия и его войны с ойратами. (Труды восточного отделения императорского археологического общества, Часть 6). 1858**